

Научная статья

УДК 159.923

<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-5-212-223>

СУБЪЕКТИВНЫЙ СМЫСЛ ОТЦОВСТВА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ МУЖЧИН ПОКОЛЕНИЯ ПИТЕРА ПЭНА

Лидия Эдуардовна Семенова¹, Вера Эдуардовна Семенова²

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Николая Ивановича Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, v_and_l@list.ru

² Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России, Нижний Новгород, Россия, verunechka08@list.ru

Аннотация

В статье обсуждаются проблема отцовства, динамика представлений об отцовской роли в современном обществе и отношение к родительским функциям со стороны самих мужчин. С позиций особенностей поколения Y (поколения Питера Пэна) рассматриваются новые тенденции в выполнении отцовских функций. На основе анализа научных данных показано многообразие поведения современных отцов, прослежена связь отцовской роли и реальных родительских практик мужчин с социокультурными моделями маскулинности, а также обозначено противоречие между социальным инфантилизмом и ориентацией на свободу многих представителей поколения Питера Пэна и повышением социальных ожиданий от мужчины-отца в плане его включенности в процесс воспитания и заботу о детях. Представлены результаты проведенного в русле эмпирического подхода сравнительного исследования субъективных аспектов смыслового значения отцовской роли у состоящих в браке мужчин поколения Питера Пэна, выполняющих родительские функции, и их бездетных сверстников, включая мужчин, относящих себя к чайлдфри. На основе полученных в исследовании данных делается вывод о том, что образ отцовской роли в представлениях разных групп молодых мужчин имеет разное смысловое значение, обусловленное их субъективными переживаниями реального личного опыта отцовства, связанного с фактом наличия/отсутствия у них детей и желанием иметь таковых. Также получены данные, свидетельствующие об обусловленности субъективного смысла отцовства у молодых мужчин степенью удовлетворенности браком.

Ключевые слова: отцовство, субъективный смысл отцовства, удовлетворенность браком, мужчины

Для цитирования: Семенова Л. Э., Семенова В. Э. Субъективный смысл отцовства и удовлетворенность браком мужчин поколения Питера Пэна // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 5 (45). С. 212–223. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-5-212-223>

Original article

THE SUBJECTIVE MEANING OF FATHERHOOD AND SATISFACTION WITH MARRIAGE OF MEN OF THE PETER PAN GENERATION

Lidiya E. Semenova¹, Vera E. Semenova²

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, v_and_l@list.ru

² Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, verunechka08@list.ru

Abstract

The article discusses the problem of fatherhood, the dynamics of ideas about the paternal role in modern society and the attitude to parental functions on the part of men themselves. The authors consider

new trends in the performance of paternal functions from the standpoint of the features of generation Y (generation Peter Pan). Based on the analysis of scientific data, the authors showed the diversity of behavior of modern fathers, traced the connection of the paternal role and real parental practices of men with socio-cultural models of masculinity. In addition, they identified the contradiction between “social infantilism” and the orientation to freedom of many representatives of the Peter Pan generation and the increase in social expectations from the male father in terms of his involvement in the process of upbringing and taking care of children. The article contains the results of a comparative study conducted in line with the emic approach of the subjective aspects of the semantic meaning of the paternal role in married men of the Peter Pan generation who perform parental functions and their childless peers, including men who consider themselves childfree. Based on the data obtained in the study, the researchers conclude that the image of the father’s role in the representations of different groups of young men has a different semantic meaning, due to their subjective experiences of real personal experience of fatherhood associated with the fact of having/not having children and the desire to have such. In addition, the authors present data on the conditioning of the subjective meaning of fatherhood in young men by the degree of satisfaction with marriage.

Keywords: *fatherhood, the subjective meaning of fatherhood, satisfaction with marriage, men*

For citation: Semenova L. E., Semenova V. E. The subjective meaning of fatherhood and satisfaction with marriage of men of the Peter Pan generation [Sub’yektivnyy smysl otsovstva i udovletvorennost’ brakom muzhchin pokoleniya Pitera Pena]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2022, vol. 5 (45), pp. 212–223. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-5-212-223>

Жизнь не стоит на месте. Мир стремительно меняется, а вместе с ним меняются и люди.

Конечно, идея о том, что личностные особенности и характер жизнедеятельности во многом зависят от социокультурного контекста, не нова. Но в начале 1990-х гг. американские ученые Нейл Хоув (Нил Хау) и Вильям (Уильям) Штраус предложили для нее несколько иную версию, точнее, ее новое прочтение в виде «теории поколений», описывающей повторяющиеся поколенческие циклы [1–3].

Согласно этой теории, исторический период времени с его социальными событиями (как правило, ограниченный двадцатилетним интервалом), когда родился тот или иной человек, влияет на его мировоззрение, на его систему ценностей и, соответственно, образ жизни и поведение. Изначально теория поколений была разработана на материале истории США, но впоследствии с некоторыми изменениями была перенесена и на другие страны, включая Россию, хотя вопрос о ее реальной научной значимости по-прежнему остается открытым.

Именно в рамках этой теории появились термины «поколение Y» – «поколение Next», «миллениалы», или «поколение Питера Пэна». Воспитанные в эпоху постмодерна, представители этого поколения (рожденные примерно с 1981–1985 по 1996–2000 гг.) характеризуются прежде всего глубокой вовлеченностью в цифровые технологии и обладают рядом особенностей, среди которых чаще всего называют социальный инфантилизм, нежелание взрослеть, т. е. склонность оттягивать переход во взрослую («скучную») жизнь с ее обязательствами на более долгий срок, а подчас и непонимание смысла становиться взрослым, ярко выраженную тенденцию «быть не таким(ой), как все», скептицизм, ориентация на личный успех, престиж, немедленное вознаграждение, активность не столько в реальном, сколько в виртуальном (интернет) общении, завышенные ожидания, проявляющиеся в том числе и в отношении работы, и в отношении семьи, сложности с выстраиванием реальных отношений, неготовность быть самостоятельным(ой) и брать на себя ответственность и т. п. [4–9]. Поэтому и «свободные полеты Питера Пэна становятся все более и более длительными». И, как следствие, несмотря на вполне взрослый возраст, на самом деле «никаких взрослых нет», есть всего лишь подростки.

Как можно видеть, все это мало соотносится с родительскими функциями и ролью ответственного родителя, особенно если говорить о мужчине с позиций новой модели отцовства, на которую все чаще ссылаются многие специалисты.

Так, согласно имеющимся данным, в современном мире произошли серьезные изменения в характере гендерных отношений на межличностном уровне [10], которые от доминантно-зависимой модели постепенно, но все с большей очевидностью переходят к партнерской модели, что порождает смену семейных обязанностей и все чаще делает востребованной возможность взаимозаменяемости «женских» и «мужских» ролей и функций. Соответственно, в этих новых социокультурных условиях появляются мужчины, которые видят свое предназначение уже не только в профессиональной, но и в семейной самореализации, и в частности в сфере родительства – в активном выполнении своих отцовских функций [11–13]. При этом в научных кругах отцовство стало рассматриваться не только как социальная функция воспитания и развития детей [14–16], но и как важная составляющая становления и проявления мужской идентичности [17–20].

Как показывают некоторые исследования [19–21], в последние десятилетия роль и функции отца претерпели существенные изменения. Многие мужчины стали принимать достаточно активное участие в жизни ребенка, и в отцовство постепенно начала включаться экспрессивная составляющая. На смену суровому, строгому, эмоционально сдержанному, авторитарному и дистантному отцу приходят заботливые, ответственные, вовлеченные в процесс воспитания отцы, которые становятся носителями не только условной, но и безусловной (материнской) любви (по логике Э. Фромма). В таких отцах обычно соединяются традиционно маскулинные и феминные черты, а дети для них становятся источником радости и удовольствия [11]. Более того, появились мужчины, связывающие свою личностную самореализацию прежде всего с выполнением родительских функций, воспитанием детей, ответственностью за удовлетворение их потребностей и заботой об их развитии. Иными словами, в настоящее время постепенно складывается новая модель отцовства и появляются новые активные, ответственные отцы [12, 19].

Известно, что каждая эпоха создает свой идеальный образ отцовства. Современная эпоха постмодерна характеризуется разнообразием и многовариативностью культурных ценностей и моделей поведения. Соответственно, такими же разнообразными становятся и практики реализации мужчинами своих родительских функций, обобщение которых позволяет говорить о нескольких моделях отцовства. Среди этих моделей И. С. Клецина выделяет, в частности, следующие [12]:

– «традиционный отец», обязанности которого прежде всего связаны с выполнением роли кормильца семьи, т. е. ее материальным обеспечением, защитой семьи и всех ее членов, а также – в плане реализации собственно отцовских функций – с приучением детей к дисциплине и в случае необходимости – с их наказанием в соответствии с доминантно-зависимым типом детско-родительских отношений;

– «отсутствующий отец», который даже при условии своего физического присутствия в семье практически не участвует в процессе воспитания и развития своих детей, не включается в общение и взаимодействие с ними, оставаясь эмоционально дистанцированным от их потребностей, интересов и проблем, и, по сути, является отстраненным и безответственным родителем, которого по всем основаниям можно назвать девиантным;

– «ответственный отец», практически так же, как и мать, активно ухаживающий и заботящийся о своих детях мужчина, выстраивающий и поддерживающий с ними близкие, эмоционально насыщенные контакты, стремящийся удовлетворять их потребности и поддерживать их интересы;

– «новый отец» – мужчина, самореализующийся в отцовской роли, чье поведение ориентировано на принцип гендерной эгалитарности во всех аспектах выполнения родительских функций.

Подчеркнем, что, по оценкам специалистов, на сегодняшний день вовлеченное отцовство достаточно развито уже во многих западных странах, прежде всего в странах Северной Европы (Скандинавии), причем в основном благодаря государственной и общественной поддержке. Что же касается нашей страны, то в России пока в этом плане наблюдается большей частью смешение традиционных и эгалитарных тенденций, когда, с одной стороны, все чаще появляются новые интер-

претации и практики мужского родительства, а с другой – происходит усиление традиционной модели поведения отца [11].

В современных гуманитарных исследованиях начиная с последних десятилетий XX в. феномен отцовства, равно как и материнства и родительства в целом, многие авторы стали трактовать двояко, а именно: с одной стороны, как социальный институт, систему социальных требований и ожиданий, адресованных отцу, содержание которых производно от культурных норм и стандартов маскулинности, тогда как с другой – как личный опыт мужчины-родителя, его реальные индивидуальные практики и стили поведения, так или иначе связанные с воспитанием детей [13, 18, 20, 22].

Иными словами, произошло разведение конструктов *fatherhood* и *fathering*, русскоязычных аналогов которым пока не существует. При этом учеными, как правило, подчеркивается факт производности личного опыта мужчин-родителей, т. е. реальных практик отцовства, от социальных функций отца и отношения к мужчине-отцу со стороны общества [23, 24].

Так, если говорить именно о личном опыте отцовства, то на протяжении последнего столетия реальная практика взаимодействия мужчин-родителей с детьми и характер участия отца в их воспитании претерпели серьезные изменения, во многом вызванные трансформацией гендерных отношений в публичной и приватной сферах в сторону их эгалитарности и появлением новых моделей маскулинности. Если еще в начале XX в. во взаимодействии с ребенком мужчины придерживались преимущественно традиционной модели отцовства, предполагающей выполнение в основном дисциплинарной функции, то начиная со второй половины XX в. исследователи все чаще стали говорить о вовлеченном, ответственном и новом отцовстве [11, 12, 25, 26], прослеживая, как на смену «безпапному» обществу [27] 1950–1960-х гг. постепенно пришло общество с «рефлексивными» папами [28], включенными в жизнь детей, во всяком случае желающими это делать, но не всегда, правда, имеющими такую возможность.

В частности, по данным исследования Е. А. Чикаловой, в современной России наблюдается несколько типов отцовского поведения, для каждого из которых характерна разная степень ориентации на традиционную и новую модель маскулинности [29], а именно:

1) высокая степень приверженности мужчины нормам традиционной маскулинности, при которой наблюдается минимальная степень участия отца в процессе воспитания детей и максимальная эмоциональная дистанция во взаимодействии с ними;

2) средняя степень приверженности мужчины нормам и стандартам традиционной маскулинности и, как следствие, уже большая включенность отца в жизнь детей и заинтересованность в их развитии;

3) низкая степень приверженности мужчины нормам традиционной маскулинности или, по-другому, ориентация на новую модель маскулинности, что принципиально меняет позицию отца, делая его активным участником процесса воспитания, а главное – психологически близким и доступным для своих детей.

Таким образом, как свидетельствуют результаты ряда современных исследований, справедливо говорить о том, что отцы, как и мужчины в целом, не представляют собой однородную группу; разные отцы разделяют различные ценности, имеют разные приоритеты, ведут различный образ жизни и являются разными родителями. При этом, по оценкам ряда специалистов, активная воспитательная позиция мужчины обычно сочетается с его эгалитарными гендерными представлениями, отходом от традиционных мужских норм и стандартов; способствует росту психологического благополучия мужчины, а также служит показателем значимости для него семьи и принятия личной ответственности за развитие своего ребенка [29, 30]. Именно для таких мужчин отцовство является результатом осознанного решения и приобретает черты важного «жизненного проекта», содержанием которого «становится прежде всего участие в форме интенсивного присутствия, предметной ответственности и занятости в повседневности ребенка и семьи в целом» [31, с. 70].

Соответственно, возникает вопрос, каким образом эти новые тенденции сочетаются с особенностями поколения Y? На первый взгляд, они являются взаимоисключающими. Или они вообще не имеют отношения к мужчинам-миллениалам?

Ответ на этот вопрос приобретает особую значимость, если принять во внимание данные некоторых отечественных исследований, согласно которым, во-первых, родительство вносит существенные ограничения в жизнь современного человека, гораздо более, чем ранее, ориентированного на свободу, и снижает удовлетворенность браком [32], тогда как с другой – реализация практик ответственного отцовства большей частью пока встречает крайне слабую поддержку или даже, напротив, реальное сопротивление [33].

К тому же мы разделяем мнение тех современных специалистов, которые считают необходимым рассматривать и анализировать отцовство под новым углом зрения с учетом всех его многообразных форм и существующих вариантов реализации мужчинами их отцовской роли, включая сам контекст этой реализации [21].

Поэтому в рамках своего исследования мы поставили целью изучить такой аспект отцовского бытия, т. е. личного опыта мужчин-родителей, представителей поколения Питера Пэна, как субъективный смысл отцовства. При этом под субъективным смыслом отцовства мы понимали личностный уровень смыслового значения отцовской роли и субъективных переживаний относительно отцовства у мужчин. В нашем случае – молодых, относящихся к поколению Y и состоящих в браке.

Заметим, что ранее мы уже обращались к изучению субъективного смысла родительства (материнства и отцовства) как у женщин, так и у мужчин, но несколько в ином контексте [13, 34]. Представленное в данной статье наше очередное исследование, так же как и прежние, выполнено в русле эмис-подхода, т. е. носит сравнительный характер. В нем принимали участие три группы испытуемых: отцы (44 человека) со стажем брака от 2 до 5 лет, потенциальные отцы (34 человека) со стажем брака от 1,5 до 4 лет и мужчины, относящие себя к чайлдфри (19 человек), со стажем брака от 1,5 до 5 лет. Возраст испытуемых от 27 до 33 лет, что позволяет всех их отнести к поколению Питера Пэна.

В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Образ отцовства/отцовской роли в представлениях молодых мужчин будет иметь разное смысловое значение, обусловленное их субъективными переживаниями реального личного опыта отцовства, связанного с фактом наличия/отсутствия у них детей и желанием иметь таковых.

2. Субъективный смысл отцовской роли у молодых мужчин будет обусловлен степенью их удовлетворенности браком.

В качестве методического инструментария в исследовании использовались модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда [35] и тест-опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко. С помощью первой методики измерялась степень субъективной близости в представлениях испытуемых разных групп образа «отцовство/отцовская роль» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка». При этом степень семантической близости (СД) образа «отцовство/отцовская роль» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка» определялась количественными показателями: чем ближе к 0 разница между сопоставляемыми образами/понятиями, тем больше степень их смысловой близости в представлениях испытуемых. С помощью второй методики определялась степень удовлетворенности браком.

Изложим полученные в исследовании результаты.

В табл. 1 представлены данные измерения степени субъективной близости с точки зрения испытуемых разных групп образа «отцовство/отцовская роль» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка».

Как можно видеть из табл. 1, принципиально отличную позицию относительно отцовства демонстрируют молодые мужчины, относящие себя к чайлдфри, что, в принципе, является вполне

предсказуемым. В частности, прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что именно у этой группы испытуемых были констатированы самые высокие показатели смысловой близости образа отцовства с предлагаемыми понятиями, среди которых «обуза» (СД = 0,64) и «жизненная ошибка» (СД = 1,07). Подчеркнем, что ни в одной другой группе испытуемых ни по одному из предложенных понятий мы не встречаем такой же максимально выраженной степени сходства, как в этих двух случаях. Кроме того, у этих же самых мужчин обнаруживает себя и обратная тенденция, проявляющаяся в наличии максимально низких показателей смысловой близости образа отцовства с оставшимися понятиями – «смысл жизни» (СД = 4,03) и «счастье» (СД = 3,91). Другими словами, как показывает исследование, согласно установленным смысловым ассоциациям, субъективное отношение к отцовской роли мужчин-чайлдфри можно назвать однозначно негативным, иллюстрирующим их восприятие отцовства как реального бремени, которое мешает счастливой жизни. При этом смысл своей жизни они видят в чем-то другом, но никак не в рождении и воспитании детей. Заметим, что в этой субъективной позиции четко прослеживаются взгляды сторонников чайлдфри – «свобода от детей», и, следовательно, получение таких результатов можно считать вполне закономерным.

Таблица 1

Субъективный смысл отцовства у молодых мужчин

Группа испытуемых		Образ (СД/ранг)			
		Счастье	Смысл жизни	Обуза	Жизненная ошибка
Мужчины-отцы (Г ₁)		1,98/1	2,01/2	2,04/3	2,13/4
Потенциальные отцы (Г ₂)		2,06/2	3,11/4	1,63/1	2,74/3
Мужчины-чайлдфри (Г ₃)		3,91/3	4,03/4	0,64/1	1,07/2
t-критерий Стьюдента	Г ₁ и Г ₂	0,27	3,11 ($p \leq 0,01$) Г ₁	2,38 ($p \leq 0,05$) Г ₂	2,13 ($p \leq 0,05$) Г ₁
	Г ₂ и Г ₃	4,08 ($p \leq 0,001$) Г ₂	3,02 ($p \leq 0,01$) Г ₂	2,76 ($p \leq 0,01$) Г ₃	3,53 ($p \leq 0,001$) Г ₃
	Г ₁ и Г ₃	4,34 ($p \leq 0,001$) Г ₁	4,41 ($p \leq 0,001$) Г ₁	3,04 ($p \leq 0,01$) Г ₃	2,71 ($p \leq 0,01$) Г ₃

Для сравнения: молодые мужчины, которые еще не стали родителями, демонстрируют несколько иную позицию, в которой тем не менее прослеживаются некоторые аналогии с позицией мужчин-чайлдфри. Так, с одной стороны, потенциальные отцы, так же как и мужчины, относящие себя к чайлдфри, в первую очередь расценивают отцовство в качестве обузы и также в наименьшей степени воспринимают его в контексте смысла жизни. Однако даже в этом плане в отличие от мужчин-чайлдфри у их сверстников, рассматривающих возможность стать отцами, степень идентификации отцовской роли с обузой оказывается ниже (СД = 1,63), в то время как степень ее смыслового сходства со смыслом жизни – выше (СД = 3,11). Более того, в группе мужчин – потенциальных родителей образ отцовства имеет большую степень сходства с понятием «счастье» (СД = 2,06), нежели с жизненной ошибкой (СД = 2,74), что полностью расходится с мнением мужчин-чайлдфри. В целом с учетом выявленных ранговых позиций степени выраженности смыслового сходства сопоставляемых понятий с образом отцовства в восприятии испытуемых потенциальных родителей прослеживается следующая последовательность (в порядке уменьшения близости): «обуза», «счастье», «жизненная ошибка», «смысл жизни». Иными словами, полученные результаты позволяют говорить о достаточно противоречивом характере восприятия отцовской роли этими молодыми мужчинами. Поэтому вовсе не факт, что в ближайшее время они действительно будут планировать рождение ребенка. А следовательно, учитывая брачный статус испытуемых, повышается риск рождения нежеланных детей, которые, не исключено, превратятся в реальную обузу, во всяком случае для своих отцов.

Что же касается молодых мужчин, уже являющихся отцами, то, судя по данным, представленным в табл. 1, они примерно в равной степени соотносят образ отцовства со всеми предложенными понятиями. При этом, согласно итогам ранжирования степени смыслового сходства, прослеживается следующая последовательность (в порядке уменьшения близости): «счастье» (СД = 1,98), «смысл жизни» (СД = 2,01), «обуза» (СД = 2,04), «жизненная ошибка» (СД = 2,13). На первый взгляд создается ощущение, что эта группа испытуемых склонна воспринимать отцовскую роль как имеющую для них исключительно позитивное значение. Однако, как можно видеть из табл. 1, средние значения степени смыслового сходства во всех четырех случаях являются примерно одинаковыми, что наиболее четко прослеживается в плане соотношения отцовства со счастьем, смыслом жизни и обузой. Соответственно, это позволяет нам говорить о наличии внутренних противоречий в системе субъективного отношения молодых мужчин-родителей к отцовской роли, поскольку она одновременно вызывает у них и положительные, и отрицательные ассоциации.

Для уточнения и конкретизации выявленных в ходе сравнительного анализа тенденций обратимся к показателям *t*-критерия Стьюдента, которые убедительно свидетельствуют о наличии ярко выраженных статистически значимых различий в специфике субъективного восприятия образа отцовства между разными группами испытуемых. В частности, установлено, что восприятие отцовства в контексте смысла жизни в большей степени характерно для молодых мужчин, являющихся отцами, тогда как в наименьшей степени – для их сверстников, относящих себя к чайлдфри. Во многом аналогичная тенденция наблюдается и в плане восприятия отцовства через призму счастья, за тем лишь исключением, что такого рода смысловые ассоциации примерно в равной степени встречаются и у мужчин-родителей и у мужчин – потенциальных отцов. Если же обратиться к негативным смысловым ассоциациям, то, согласно результатам статистического анализа, восприятие отцовства с позиций жизненной ошибки наиболее четко и последовательно прослеживается прежде всего у испытуемых из группы чайлдфри, а менее всего – у мужчин еще не ставших родителями, что, вероятно, можно объяснить отсутствием у этих испытуемых не только актуальной отцовской роли и связанных с ней функций, но и стойко выраженной неприязни к детям. В свою очередь отношение к отцовству как к обузе также ярче всего демонстрируют мужчины-чайлдфри, в то время как наименее всего оно оказывается характерно для мужчин-отцов. Иными словами, как показало наше сравнительное исследование, реальный опыт родительства порождает у молодых мужчин определенные переживания, которые находят свое отражение в содержании их личностного уровня смыслового значения отцовской роли, служащего иллюстрацией субъективного смысла отцовства. Соответственно, все сказанное выше позволяет говорить о том, что наша первая гипотеза нашла свое подтверждение.

Что же касается такого факта личной жизни молодых мужчин поколения Питера Пэна, как удовлетворенность браком и его вклада в смысловые составляющие образа отцовства, то полученные в исследовании результаты позволили выявить некоторые любопытные моменты.

Прежде всего мы убедились в том, что среди испытуемых, относящих себя к чайлдфри, отсутствуют мужчины, неудовлетворенные своим браком, во всяком случае, они сами не считают себя таковыми. На наш взгляд, это весьма показательный факт, свидетельствующий о благополучии супружеских отношений молодых мужчин-чайлдфри, хотя вместе с тем подчеркнем, что это благополучие отнюдь не может быть гарантией прочности и длительности данных отношений.

Для сравнения: в других группах молодых мужчин по параметру удовлетворенности/неудовлетворенности браком испытуемые распределились следующим образом: среди мужчин-отцов 52 % удовлетворенных браком и 48 % неудовлетворенных браком; среди мужчин, еще не ставших отцами, 74 % удовлетворенных браком и 26 % – неудовлетворенных браком. Подчеркнем, что, если принять во внимание примерно равный стаж брака испытуемых обеих групп, уже само по себе такое количественное соотношение является достаточно говорящим, поскольку косвенно свидетельству-

ет о характере изменений отношения между супругами после рождения ребенка, по крайней мере с точки зрения самих мужчин.

Кроме того, как было установлено, удовлетворенность браком мужчин – реальных и потенциальных родителей оказалась весьма значимым фактором, влияющим на специфику восприятия ими отцовской роли, что подтверждают результаты сравнительного анализа, зафиксированные в табл. 2.

Таблица 2

Субъективный смысл отцовства у молодых мужчин с разным уровнем удовлетворенности браком

Образ	Показатели <i>t</i> -критерия Стьюдента	
	Мужчины-отцы	Потенциальные отцы
Счастье	2,11 ($p \leq 0,05$) УБ	2,17 ($p \leq 0,05$) УБ
Смысл жизни	1,76	1,88
Обуза	2,34 ($p \leq 0,05$) НБ	2,41 ($p \leq 0,05$) НБ
Жизненная ошибка	2,16 ($p \leq 0,05$) НБ	1,58

Примечание: УБ – мужчины, удовлетворенные браком; НБ – мужчины, неудовлетворенные браком.

Из данных табл. 2 можно видеть, что статистические различия были обнаружены в трех случаях из четырех возможных в группе молодых мужчин-отцов и в двух случаях – в группе мужчин – потенциальных родителей.

Так, восприятие отцовства в качестве возможного источника счастья и личностного роста современного мужчины достоверно чаще оказывается характерно для испытуемых обеих групп, удовлетворенных своими супружескими отношениями. Напротив, у тех мужчин, кто неудовлетворен своим браком, мы наблюдаем статистически более выраженную тенденцию идентификации отцовской роли с обузой, препятствующей личностной самореализации и достижению жизненно важных целей. Разумеется, тяготящие мужчину отношения с супругой не могут не отразиться на его отношении к ребенку (при его наличии) и своим отцовским функциям, равно как и на желании становиться отцом у тех, кто еще таковым не является. Более того, у мужчин-отцов, неудовлетворенных браком, мы обнаруживаем к тому же еще и большую склонность ассоциировать свою отцовскую роль с жизненной ошибкой, что, безусловно, является тревожным фактом и свидетельствует о психологическом неблагополучии не только этих испытуемых, но и, что не исключено, всей их семьи в целом, включая жену и ребенка.

Другими словами, полученные нами данные полностью согласуются с результатами тех исследований, где в качестве одного из важнейших факторов эффективного отцовства определяются позитивные супружеские отношения [36, 37]. Однако, учитывая количественное соотношение мужчин, удовлетворенных и неудовлетворенных своим браком, в разных группах испытуемых, можно предполагать, что сами супружеские отношения могут во многом определяться наличием у супругов других семейных ролей и функций, в частности родительских, которые нужно умело совмещать с супружескими. И, следовательно, основная причина в таком случае – личностные особенности супругов, их готовность к родительству и связанной с ним ответственности.

Известно, что период адаптации к новым ролям является кризисным как для семьи, так и для конкретной личности. Он провоцирует возникновение межличностных и внутриличностных конфликтов, которые важно уметь разрешать, что невозможно без соответствующей мотивации и личностных ресурсов (преодоления эгоцентризма, умения выслушивать, поддерживать, брать на себя ответственность, а не перекладывать ее на других и т. п.). И, по всей видимости, такими личностными ресурсами обладают далеко не все молодые мужчины, ставшие родителями.

Все сказанное выше позволяет констатировать факт актуальности психологической помощи мужчинам поколения Питера Пэна в плане подготовки их к родительству и психологического сопровождения процесса их личностного развития как отцов.

Возвращаясь к теме своего исследования, отметим, что вопреки известному утверждению Питера Пэна о невозможности стать «взрослым мужчиной» (в нашем случае – эффективным отцом) и тщетности усилий тех, кто это будет пытаться с ним сделать, молодым мужчинам поколения Y такой личностный рост вполне доступен при условии прохождения ими личной и/или супружеской психотерапии. Осталось только найти и понять те механизмы, посредством которых молодые мужчины захотят стать субъектами таких изменений и, как следствие, заказчиками соответствующей психологической помощи. Полагаем, что для поиска этих механизмов необходима специальная исследовательская работа, которая может стать серьезным вкладом не только в дальнейшую разработку заявленной проблематики, но и необходимой теоретической базой для организации и осуществления психологической практики.

Список литературы

1. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный икс. М.: Издательский дом университета «Синергия», 2017. 184 с.
2. Ростова А. Т. Циклическое воспроизводство социальных тенденций в теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува // *Juvenis scientia*. 2018. № 7. С. 33–35.
3. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of Americas Future, 1584 to 2069*. N.Y.: Quill William Morrow, 1991. 544 p.
4. Мирошкина М. Р. X, Y, Z. Теория поколений. Новая система координат // *Вопросы воспитания*. 2014. № 2. С. 50–57.
5. Полянок О. В., Шнайдер Н. В., Сафронова И. Г. Особенности личности студентов поколения Y // *Проблемы современного педагогического образования*. 2016. № 51-3. С. 351–357.
6. Радаев В. В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
7. Wywater M. *Big Babies or: Why Can't We Just Grow Up?* London: Granta Books, 2006. 246 p.
8. Calcutt A. *Arrested Development: Pop Culture and the Erosion of Adulthood*. London: Cassell, 1998. 284 p.
9. Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. 2000. 312 p.
10. Клещина И. С. *Психология гендерных отношений: теория и практика*. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
11. Авдеева А. В. Вовлеченное отцовство в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // *СОЦИС*. 2012. № 11. С. 95–104.
12. Клещина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 29–41.
13. Семенова Л. Э. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 2. С. 108–111.
14. Борисенко Ю. В. *Психология отцовства*. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. 220 с.
15. Калина О. Г., Холмогорова А. Б. *Роль отца в психическом развитии ребенка*. М.: Форум, 2011. 112 с.
16. Кочубей Б. И. *Мужчина и ребенок*. М.: Знание, 1990. 76 с.
17. Архиреева Т. В. *Родительство в гендерном аспекте* // *Гендерная психология: практикум* / под ред. И. С. Клещиной. СПб.: Питер, 2009. С. 121–147.
18. Кон И. С. *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 2009. 496 с.
19. Кон И. С. *Мальчик – отец мужчины*. М.: Время, 2010. 622 с.
20. Семенова Л. Э., Кожина Е. В. Нетрадиционные подходы к исследованию родительства // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 10. С. 188–194.
21. Хоффман Б. Э. Новые открытия, концепции и вопросы в поиске понимания влияния отцов на развитие своих детей // *Современная зарубежная психология*. 2022. Т. 11, № 1. С. 17–25. DOI: 10.17759/jmfp.2022110102
22. Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2015. Т. 7, № 3. С. 1–11. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n3/polivanova.shtml (дата обращения: 24.04.2022).
23. LaRosa R. *Fatherhood and social change* // *Men's Lives*. New York: Macmillan, 1992. P. 532–541.

24. Marsiglio W. Fatherhood scholarship: An overview and agenda for the future // *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 3–18.
25. Борисенко Ю. В., Белогай К. Н. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // *Сибирский психологический журнал*. 2007. № 26. С. 102–108.
26. Клещина И. С., Чикалова Е. А. Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Серия: Психология*. 2013. Т. 5, № 2. С. 24–36.
27. Mitscherlich A. *Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie*. Munchen, 1963. 164 p.
28. Williams S. What is fatherhood? Searching for the reflexive father // *Sociology*. 2008. Vol. 42, № 3. P. 487–502.
29. Чикалова Е. А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 2. С. 43–53.
30. Калина И. А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // *Современная зарубежная психология*. 2019. Т. 8, № 4. С. 49–58. doi: 10.17759/jmfp.2019080405
31. Рождественская Е. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // *Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке*. М.: Звенья, 2013. С. 60–76.
32. Голзицкая А. А., Кисельникова Н. В., Куминская Е. А., Лаврова Е. В., Карпинский К. В., Греськова П. А. Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 3. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110301>
33. Авдеева А. В. Ресурсы и барьеры активного участия отцов в заботе о детях // *Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке*. М.: Звенья, 2013. С. 77–96.
34. Семенова Л. Э., Кожина Е. В. Субъективный смысл материнства у женщин, имеющих и не имеющих детей // *Вестник Мининского университета*. 2013. № 1. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/363> (дата обращения: 24.04.2022).
35. Баранова Т. С. Эмоциональное «Я – Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) // *Семейная психология и семейная терапия*. 2004. № 2. С. 3–9.
36. Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // *Педагогика*. 2005. № 9. С. 3–16.
37. Овчарова Р. В. *Родительство как психологический феномен*. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.

References

1. Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy Iks* [The theory of generations. An Extraordinary X]. Moscow, Sinergiya Publ., 2017. 184 p. (in Russian).
2. Rostova A. T. *Tsiklicheskoeye vosproizvodstvo sotsial'nykh tendentsiy v teorii pokoleniy V. Shtrausa i N. Houva* [Cyclic reproduction of social trends in the theory of generations by V. Strauss and N. Howe]. *Juvenis scientia*, 2018, no. 7, pp. 33–35 (in Russian).
3. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of Americas Future, 1584 to 2069*. N.Y.: Quill William Morrow, 1991. 544 p.
4. Miroshkina M. R. X, Y, Z. *Teoriya pokoleniy. Novaya sistema koordinat* [X, Y, Z. Theory of generations. New coordinate system]. *Voprosy vospitaniya*, 2014, no. 2, pp. 50–57 (in Russian).
5. Polyanok O. V., Shnayder N. V., Safronova I. G. *Osobennosti lichnosti studentov pokoleniya Y* [Personality traits of Generation Y students]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of modern pedagogical education*, 2016, no. 51-3, pp. 351–357 (in Russian).
6. Radayev V. V. *Millenialy: kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2019. 224 p. (in Russian).
7. Bywater M. *Big Babies or: Why Can't We Just Grow Up?* London: Granta Books, 2006. 246 p.
8. Calcutt A. *Arrested Development: Pop Culture and the Erosion of Adulthood*. London, Cassell, 1998. 284 p.
9. Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*, 2000. 312 p.
10. Kletsina I. S. *Psikhologiya gendernykh otnosheniy: teoriya i praktika* [Psychology of gender relations: theory and practice]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2004. 408 p. (in Russian).

11. Avdeyeva A. V. Vovlechennoye otsovstvo v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det'mi [Involved Fatherhood in Modern Russia: strategies for participating in child care]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Research*, 2012, no. 11, pp. 95–104 (in Russian).
12. Kletsina I. S. Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – A woman in Russian Society*, 2009, no. 3, pp. 29–41 (in Russian).
13. Semenova L. E. Spetsifika roditel'skogo otnosheniya i sub'yektivnogo vospriyatiya otsovstva v kontekste real'nogo opyta muzhchin-monoroditeley [The specifics of the parental relationship and the subjective perception of fatherhood in the context of the real experience of male single parents]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 2014, no. 2, pp. 108–111 (in Russian).
14. Borisenko Yu. V. *Psikhologiya otsovstva* [Psychology of fatherhood]. Moscow; Obninsk, IG-SOTsIN Publ., 2007. 220 p. (in Russian).
15. Kalina O. G., Kholmogorova A. B. *Rol' ottsa v psikhicheskom razvitii rebenka* [The role of the father in the mental development of the child]. Moscow, Forum Publ., 2011. 112 p. (in Russian).
16. Kochubey B. I. *Muzhchina i rebenok* [Man and child]. Moscow, Znaniye Publ., 1990. 76 p. (in Russian).
17. Arkhireyeva T. V. *Roditel'stvo v gendernom aspekte* [Parenting in the gender aspect]. *Gendernaya psikhologiya: praktikum* [Gender psychology: workshop]. Ed. I. S. Kletsina. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009. Pp. 121–147 (in Russian).
18. Kon I. S. *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world]. Moscow, Vremya Publ., 2009. 496 p. (in Russian).
19. Kon I. S. *Mal'chik – otets muzhchiny* [The boy is the man's father]. Moscow, Vremya Publ., 2010. 622 p. (in Russian).
20. Semenova L. E., Kozhina E. V. Netraditsionnyye podkhody k issledovaniyu roditel'stva [Unconventional approaches to parenting research]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 2014, no. 10, pp. 188–194 (in Russian).
21. Hoffman B. E. Novyye otkrytiya, kontseptsii i voprosy v poiske ponimaniya vliyaniya otsov na razvitiye svoikh detey [New discoveries, concepts and questions in the search for understanding the influence of fathers on the development of their children]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022, vol. 11, no. 1, pp. 17–25. DOI: 10.17759/jmfp.2022110102 (in Russian).
22. Polivanova K. N. Sovremennoye roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Modern parenthood as a subject of research]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye psyedu.ru – Psychological science and education psyedu.ru*, 2015, vol. 7, no. 3, pp. 1–11 (in Russian). URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n3/polivanova.shtml (accessed 24 April 2022).
23. LaRosa R. Fatherhood and social change. In: *Men's Lives*. New York, Macmillan, 1992. Pp. 532–541.
24. Marsiglio W. Fatherhood scholarship: An overview and agenda for the future. In: *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 3–18.
25. Borisenko Yu. V., Belogay K. N. Spetsifika formirovaniya otsovstva kak psikhologicheskogo fenomena [The specifics of the formation of fatherhood as a psychological phenomenon]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2007, no. 26, pp. 102–108 (in Russian).
26. Kletsina I. S., Chikalova E. A. Vzaimosvyaz' norm maskulinnosti i sotsial'nykh predstavleniy o sodержanii povedeniya v ramkakh otsovskoy roli [The relationship between the norms of masculinity and social ideas about the content of behavior within the paternal role]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Seriya: Psikhologiya – Pushkin Leningrad State University Journal. Series: Psychology*, 2013, no. 2, vol. 5, pp. 24–36 (in Russian).
27. Mitscherlich A. *Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie*. Munchen, 1963. 164 s.
28. Williams S. What is fatherhood? Searching for the reflexive father. *Sociology*, 2008, vol. 42, no. 3, pp. 487–502.
29. Chikalova E. A. Issledovaniya otsovstva i maskulinnosti: tochki peresecheniya [Studies of fatherhood and masculinity: points of intersection]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*, 2012, no. 2, pp. 43–53 (in Russian).
30. Kalina I. A. Otsovstvo kak psikhologicheskii fenomen. Obzor sovremennoy zarubezhnoy literatury [Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 49–58 (in Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2019080405

31. Rozhdestvenskaya E. Otsovstvo: liberal'nyy trend ot ottsa k pape? [Fatherhood: a liberal trend from father to dad?]. *Sposoby byt' muzhchinoy: Transformatsii maskulinnosti v XXI veke* [Ways to be a man: Transformations of Masculinity in the XXI Century]. Moscow, Zven'ya Publ., 2013. Pp. 60–76 (in Russian).
32. Golzitskaya A. A., Kisel'nikova N. V., Kuminskaya E. A., Lavrova E. V., Karpinskiy K. V., Gres'kova P.A. Dinamika predmeta sotsiologicheskikh i psikhologicheskikh issledovaniy sem'i i roditel'stva v izmenyayushchemsya sotsiokul'turnom kontekste [Dynamics of the subject of sociological and psychological studies of family and parenthood in a changing socio-cultural context]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110301> (in Russian).
33. Avdeyeva A. V. Resursy i bar'yery aktivnogo uchastiya otsov v zabote o detyakh [Resources and barriers to the active participation of fathers in the care of children]. *Sposoby byt' muzhchinoy: Transformatsii maskulinnosti v XXI veke* [Ways to be a man: Transformations of Masculinity in the XXI Century]. Moscow, Zven'ya Publ., 2013. Pp. 77–96 (in Russian).
34. Semenova L. E., Kozhina E. V. Sub'yektivnyy smysl materinstva u zhenshchin, imeyushchikh i ne imeyushchikh detey [The subjective meaning of motherhood in women with and without children]. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*, 2013, no. 1 (in Russian). URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/363> (accessed 24 April 2022).
35. Baranova T. S. Emotsional'noye “Ya – My” (experience of psychosemantic research of social identity) [Emotional “I – We” (experience of psychosemantic research of social identity)]. *Semeynaya psikhologiya i semeynaya terapiya – Family psychology and family therapy*, 2004, no. 2, pp. 3–9 (in Russian).
36. Kon I. S. Otsovstvo kak sotsiokul'turnyy institut [Fatherhood as a socio-cultural institution]. *Pedagogika*, 2005, no. 9, pp. 3–16 (in Russian).
37. Ovcharova R. V. *Roditel'stvo kak psikhologicheskiy fenomen* [Parenthood as a psychological phenomenon]. Moscow, MPSI Publ., 2006. 496 p. (in Russian).

Информация об авторах

Семенова Л. Э., доктор психологических наук, доцент, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия, 603022).
E-mail: v_and_l@list.ru

Семенова В. Э., кандидат философских наук, доцент, доцент, Приволжский исследовательский
медицинский университет (пл. Минина и Пожарского, 10/1, Нижний Новгород, Россия,
603005).

E-mail: verunechka08@list.ru

Information about the authors

Semenova L. E., Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, professor of the department
of general and social psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod (prospekt Gagarina, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603000).

E-mail: v_and_l@list.ru

Semenova V. E., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, associate professor of the
department of general and social psychology, Privolzhsky Research Medical University (ploshchad'
Minina i Pozharskogo, 10/1, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603005).

E-mail: verunechka08@list.ru

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.09.2022